

А. С. Усачев

МГИМО МИД РФ, Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия. *asuiias1@mail.ru*

СОСТАВ ЗАКАЗЧИКОВ РУКОПИСНЫХ КНИГ XVI в. И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ВОЕННО-СЛУЖИЛОЙ ЭЛИТЫ

В статье рассматривается социальный состав заказчиков русских рукописных книг XVI в. Устанавливается, что в их число не входили находящиеся на русской службе татары. Это связывается с динамикой книгопроизводства в России, численностью служилых татар в различные периоды, географией их земельных владений, а также особенностями их социальной и культурно-конфессиональной интеграции в русское общество. Исследование основано на материале выходных записей манускриптов 1500–1600 г., прочих записей на книгах, вкладных, приходо-расходных книг русских монастырей, актов, писцовых книг и некоторых других источников.

Ключевые слова: XVI век, рукописная книга, Русская церковь, служилые татары, крещение, ислам, православие, толерантность, христианско-исламское взаимодействие, культурная политика

XVI век в российской истории занимает особое место. Речь идет о первом столетии существования единого государства, созданного трудами Ивана III и его предков. Именно на этот период приходится складывание системы центрального и местного управления, а также военно-служилой элиты. Последняя составила ядро российского дворянства, игравшего исключительную роль в отечественной истории вплоть до начала XX в. Очевидно, что формирование класса служилых землевладельцев, с одной стороны, испытало на себе влияние непростого и в XVI в. еще далекого от завершения процесса создания единого государства и его институтов, с другой — само оказало влияние на него.

Приступая к рассмотрению истории складывания военно-служилой элиты России эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, исследователь на своем пути встречает целый ряд сложностей. Они обусловлены отрывочностью дошедших источников. В последней трети XVI в. существенно сокращается поток летописных известий общерусского характера, на которых традиционно основывались ученые. Важнейшие источники для изучения социально-экономической и политической истории — акты, писцовые и разрядные книги — содержат сведения далеко не по всем уездам и периодам. Насущной задачей является введение в научный оборот иных источников, что позволило бы создать более объемную картину истории России в первое столетие ее существования как единого государства. Привлечение дополнительных данных даст возможность во многом по-новому взглянуть и на процесс формирования элиты Российского государства, которым ей будет суждено управлять несколько веков. К числу таких массивов источников относятся выходные записи на книгах.

По самым предварительным и неполным подсчетам, до настоящего времени дошло около 12–14 тысяч русских рукописных книг XVI в. В 44 архивохранилищах нам удалось выявить 734 (то есть около 5–6 % от общего числа) манускрипта 1500–1600 г., содержащих датированные выходные записи. Помимо даты они в целом ряде случаев сообщают о местах переписки книг, а также сведения об их писцах и заказчиках. Систематически материал записей ранее еще не анализировался. Это связано с тем, что он рассыпан по сотням рукописных собраний, содержащихся в 44 архивохранилищах, которые расположены более чем в двух десятках городов [Усачев, 2018а, т. 1, с. 19–58]. Недавно вышедшая в свет публикация данного вида источников [Усачев, 2018а, т. 2, № 1–733, 324а] дает возможность привлечь их не только для решения

книговедческих задач, но и для рассмотрения исторических проблем. Эти источники, сообщая имена и социальный статус многих сотен писцов и заказчиков, проживающих на территории всей страны, раскрывают перед исследователями огромные — в полной мере еще не оцененные в науке — возможности для изучения истории отдельных социальных групп. При этом, конечно, следует помнить, что при разработке данного, как и любого другого, массива источников возможности ученого ограничены сохранившимся материалом. Именно на нем мы и будем основываться, отдавая себе отчет в том, что появление новых, не учтенных нами, сведений, скорее всего, потребует корректировки или даже пересмотра представляемой ниже авторской гипотезы.

В книжную культуру России XVI в. в роли заказчиков, писцов, читателей и владельцев книг так или иначе были вовлечены представители самых разных слоев населения [Усачев, 2018а, т. 1, с. 200—446]. Неизбежен вопрос: представители каких социальных групп в нее не были включены или были включены в наименьшей степени? Ответ на него важен для изучения не только истории книжной культуры, но и отдельных социальных групп. Ниже свое внимание мы сосредоточим на служилых землевладельцах, составивших костяк военно-политической элиты Русского государства.

Нам удалось выделить 48 лиц соответствующего статуса¹ (включая новгородских своеземцев). Речь идет как о представителях родов, входящих в верхушку Государева двора (князьях Булгаковых-Куракиных, Воротынских, Вяземских, Сицких, Ушатых, а также Бутурлиных, Годуновых, Тучковых-Морозовых и др.), так и о лицах, статус которых на государевой службе был существенно ниже (Апрелевых, Дубровских, Репьевых, Скрыбиных, Судимантовых и др.) [Усачев, 2018а, т. 1, с. 375—410, 416]. Перечень заказчиков соответствующего статуса будет неполным без упоминания объединения помещиков Михайловского стана Великолукского уезда («всех детей боярских Михайловского стана»), поручивших переписать Евангелие-тетр для местной Успенской церкви (от их лица непосредственно заказ осуществил А. С. Хомутов) [Усачев, 2018а, т. 2, № 446]. С учетом этого речь идет о 48 лицах², а также об одном объединении служилых землевладельцев. Несомненно, к числу служилых землевладельцев принадлежала и какая-то часть заказчиков, статус которых нам определить не удалось. На это, в частности, указывает то, что в ряде случаев рукописи переписывали подчиненные им лица (вероятно, слуги) [Усачев, 2018а, т. 1, с. 419—420].

Для последующего изложения важно обратить внимание на географию переписки соответствующих книг. Речь идет практически обо всей территории страны. Рукописи для служилых землевладельцев переписывали на Северо-Западе (Великолукский уезд, Новгород, Ладога, Ивангород), на Западе (окрестности Вязьмы), в Центре (Москва и Подмосковье, Суздаль, Тверь), на Севере (окрестности Шенкурска, территория Новгородской и Ростовской епархий), на Северо-Востоке (Костромской уезд, Галич) страны, а также в Среднем (Васильсурск, Свияжск) и Нижнем (Астрахань) Поволжье. Манускрипты создавались не только на территории владений тех или иных заказчиков, но и в тех местах, где они несли военную, административную или дипломатическую службу.

Немалое значение имеет и распределение соответствующих книг по хронологии. По десятилетиям 57 датированных манускриптов, переписанных по поручению представителей

¹ К их числу мы не относим знатных по происхождению лиц, которые тот или иной интерес к книжности проявили уже после пострига (соловецкого игумена (позднее — митрополита) Филиппа (Кольчова), кирилловского игумена Афанасия (Палецкого), троицкого келаря Адриана (Ангелова) и др.).

² Очевидно, что данными родами круг заказчиков рукописных книг не ограничивался. Об этом, в частности, говорят многочисленные записи на манускриптах, указывающие на факты их покупки, владения или вклада в XVI в. представителями целого ряда служилых родов (князей Мстиславских, Темкиных-Ростовских, Токмаковых, Шуйских, а также Голохвостовых, Измайловых, Кутузовых и др.), которых мы не находим среди заказчиков выявленных нами датированных книг. Об этом см.: [Кавельмахер; Солодкин; Усачев, 2011; Усачев, 2018а, т. 1, с. 57—58, 379, 381—383, 385—387, 392—393, 396, 398—399, 405—406; Корогодина].

военно-служилой элиты, распределяются следующим образом: 1500-е годы — 5 книг, 1510-е годы — 3, 1520-е годы — 5, 1530-е годы — 6, 1540-е годы — 8, 1550-е годы — 7, 1560-е годы — 5, 1570-е годы — 1, 1580-е годы — 2, 1590-е годы — 15. Несмотря на неравномерность в распределении переписанных книг по хронологии³, очевидно, что они создавались на протяжении всего столетия. Как видим, несомненно отрывочно сохранившийся материал, с одной стороны, покрывает почти всю территорию России XVI в., с другой — охватывает весь рассматриваемый период.

Для последующего изложения особое значение имеет состав заказчиков с точки зрения их происхождения⁴. С известной долей условности можно выделить несколько групп.

1. Находящиеся на службе русских государей князя Рюриковичи, представляющие самые разные ветви этого рода: потомки черниговских (Воротынские, Белевские, Болховские), ярославских (Сицкие, Ушатые), смоленских (Вяземские и, вероятно, Кропоткины) и стародубских (Татевы) князей;

2. Перешедшие на русскую службу Гедиминовичи (князя Булгаковы-Куракины);

3. Менее знатные выходцы из Литвы (Судимантовы);

4. Представители родов нетитулованной старомосковской знати (Белеутовы-Рябчиковы, Бутурлины, Воронцовы-Вельяминовы, Годуновы⁵, Замыцкие, Кольчевы, Кутузовы, Слизневы, Третьяковы, Тучковы-Морозовы, Ховрины-Головины);

5. Менее знатные служилые землевладельцы русского происхождения (Апрелевы, Висковатые, Гневашевы, Давыдовы-Минчаковы⁶, Дубровские, Карачаровы, Кобяковы, Нагие, Панины, Репьевы, Скрипицыны, Семеновы, Скрыбины, Сукины, Хитрово);

6. Новгородские своеземцы (Едемские и Шейкины).

Генеалогическая гетерогенность заказчиков рукописных книг хорошо согласуется с очевидным фактом — с полиэтничностью русской служилой знати эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. В ее состав влились представители самых разных (в том числе с этнической и конфессиональной точек зрения) групп: потомки бояр первых московских князей, служилых князей русского и литовского происхождения, князей и бояр присоединенных к Москве земель, служилых татар⁷, а также в XVI в. еще сравнительно немногочисленных выходцев из Европы на русской службе (греков, немцев, голландцев и т. д.)⁸. Как нетрудно заметить, в представленном выше перечне заказчиков книг есть очень значимый пропуск — в нем нет потомков служилых татар. Нам не удалось выявить книг, заказанных в рассматриваемый период Канбаровыми, Кутумовыми, Мавкиными, Сеитовыми, Сулешевыми, Теукечевыми, Урусовыми, Черкасскими, Шейдяковыми, Юсуповыми и прочими. Не находим их мы и среди писцов, владельцев, продавцов

³ Как нетрудно заметить, их наименьшее число относится к 70–80-м годам XVI в., то есть к периоду социально-экономического кризиса в стране. Подробнее об этом см.: [Усачев (в печати)].

⁴ Выявление служилых людей, по поручению которых шла переписка книг, велось путем определения их социального статуса на основе принадлежности к тому или иному роду/фамилии. Этимологию основных русских фамилий, бытовавших с периода Средневековья, см.: [Унбегаун].

⁵ Данный род восходил к перешедшему на службу к московским князьям костромскому вотчиннику XIV в. Дмитрию Зерно. Легенда о татарском происхождении Годуновых (от мурзы Чета) специалистами по генеалогии давно отвергнута (см., например: [Веселовский, 1969, с. 162–163; Веселовский, 1946]). Тем не менее в литературе она иногда фигурирует. Например, А. Х. Халиков Годуновых отнес к числу «спорных» с точки зрения происхождения фамилии, предполагая все-таки возможным их татарское происхождение [Халиков, с. 72].

⁶ Распространенная в литературе версия о происхождении Давыдовых-Минчаковых от татарского мурзы Минчака, скорее всего, основана на позднейшей генеалогической легенде [Усачев, 2018а, т. 1, с. 388].

⁷ Речь идет не только о татарах (казанских, крымских, ногайских и др.): «татарами» русские источники XVI–XVII в. нередко именуют всех прибывших в Россию с Востока мусульман (бухарцев, кабардинцев и др.).

⁸ Подробнее об этническом, конфессиональном и персональном составе русской военно-служилой знати эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени см.: [Веселовский, 1969; Бычкова, 1986; Зимин; Кобрин; Павлов; Скобелкин; Правящая элита, с. 99–459; Назаров, 2002; Назаров, 2010; Опарина; Беляков, 2011а; Кузьмин, 2014; Кузьмин, 2015; Бенцианов]. Огромный, в полной мере еще не учтенный в научной литературе материал о персональном составе класса служилых землевладельцев в России рассматриваемого периода содержат опубликованные А. В. Антоновым акты (см.: АСЗ. Т. 1–4. М., 1997–2008).

и вкладчиков книг, имена которых приводят многочисленные записи на манускриптах. С чем это может быть связано?

Но прежде остановимся на вопросе о том, о насколько многочисленной части служилого слоя применительно к XVI в. может идти речь. Точными цифрами исследователи не располагают. Однако приведенные в историографии сведения, полученные на основе обобщения и анализа отрывочных данных источников, позволяют составить пусть и самое общее представление на этот счет.

Численность служилых татар, часть которых была крещена, со второй половины XV в. составляла, по крайней мере, многие сотни⁹. По подсчетам А. В. Белякова, в России в XV—XVII в. проживало 215 одних только представителей «золотого рода» потомков Чингисхана [Беляков, 2011а]. Из записок А. Контарини известно, что во второй половине 1470-х годов фактически находящийся на русской службе некий «татарин» (вероятно, касимовский «царь») «на княжеское жалованье держал пятьсот всадников»¹⁰. Не меньшим было число находящихся на русской службе татар и в XVI в. Так, например, в казанском походе 1551 г. в русском войске было 500 татар¹¹. Согласно И. Вашари, к 1556 г. на русской службе находилось 130 родов, основатели которых имели татарское происхождение [Вашари, с. 27] (ср.: [Halperin, p. 111]).

В литературе назывались и иные — более высокие — цифры относительно числа служилых родов с татарскими корнями¹². Судя по всему, в целом ряде случаев они являлись несколько завышенными. В специальной литературе установлено, что для России раннего Нового времени возведение того или иного боярского или дворянского рода к выходцу «из Прус», «из Немцев», из Литвы или из Орды являлось вполне обычной практикой. Широко распространенная в этот период мода на иностранное происхождение тех или иных родов захватила многих составителей родословных росписей раннего Нового времени¹³.

Однако, даже с учетом вышесказанного, очевидно, что число татар на русской службе было очень значительным. Так, А. В. Беляков, применительно к XVI в. считая цифру в 10 тысяч преувеличенной, приводит данные о находящихся на службе русских государей отдельных отрядах чаще всего численностью до 100 человек. Лишь владельцы Касимова могли выставить 500 и, возможно, более воинов. Мецера в целом (в первой половине XVI в. основной район проживания татар на русской службе), согласно подсчетам историка, могла дать до 1500 человек [«...И бе их столько, еже несть числа», с. 127]¹⁴. В Романовском уезде в конце XVI в. было помещено около 100 служилых татар (главным образом, князей Юсуповых и их послужильцев), которые могли выставить отряд общей численностью в 225 человек [Гурлянд; Демкин; Антонов, 2007; Моисеев, 2004]. В 1577–1578 г. в Коломенском уезде располагались владения 121 служилого татарина [Моисеев, 2017, с. 237]. На территории Новгородской земли источники 1571–1606 годов фиксируют не менее 418 служилых татар (речь шла о двух поколениях). В 1606 году их было 245 человек [Селин, с. 96, 101–102]. В литературе неоднократно приводится очень

⁹ Подробнее о составе служилых родов, имеющих татарское происхождение, на русской службе в XV—XVII в., см.: [Вельяминов-Зернов; Веселовский, 1969, с. 397–417; Трепавлов, 1995; Трепавлов, 2003; Трепавлов, Беляков; Габдуллин; Хамамото; Правящая элита, с. 144, 189, 336–337, 430–431; Вашари; Беляков, 2011а; Беляков, 2017; Беляков, 2019; Беляков (в печати); Кузьмин, 2015, с. 195–285].

¹⁰ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 226.

¹¹ ПСРЛ. М., 2009. Т. 29. С. 61.

¹² Перечень (хотя и небеспорный) русских фамилий, имеющих восточное — тюркское, иранское и монгольское — происхождение, см.: [Баскаков; Унбегаун, с. 292–304; Халиков]. О некоторых методических недостатках ряда работ, авторы которых, определяя число родов татарского происхождения, основывались почти исключительно на данных ономастики, подчас игнорируя иные, см., например: [Кузьмин, 2015, с. 210–214].

¹³ Об этом см., например: [Бычкова, 1995, с. 53, 55; Бычкова, 1997, с. 29, 48; Кузьмин, 2015, с. 207–208, 283, 285].

¹⁴ Сводку данных о численности татарских отрядов на русской службе в XVI в. см.: [Martin, 2002, p. 374–378, 381; Беляков, 2009б, с. 179–181].

значительная цифра — до 10 % от общей численности русской поместной конницы XVI в. [Чернов, с. 95; Габдуллин, с. 21; Илюшин, с. 776]¹⁵ (вероятно, данная пропорция справедлива для конца столетия¹⁶). Ее численность в этот период составляла несколько десятков тысяч всадников¹⁷. В более поздний период численность татар на русской службе несколько возросла. Так, в боевых действиях последних лет Смуты одновременно принимали участие отряды от нескольких десятков до 2 тысяч татар, которые составляли в этот период от 4 до 28 % от общей численности русских ратей (в исключительных случаях их удельный вес поднимался до 45 и даже до 85 %) [Илюшин, с. 769–776]. К концу XVII в., по разным оценкам, доля русских дворянских родов, имевших татарские корни, достигала 13,1 % [Вашари, с. 36, примеч. 3], 17 % [Ostrowski, p. 56–57] или даже 20 % [Halperin, p. 111; Трепавлов, 1995, с. 130] от общего числа.

Рассматривая переписку книг по поручению представителей служилых слоев, следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Хотя татары начали переходить на службу к московским князьям еще в XIV в., массовый характер переходы приобрели лишь с середины XVI в. Это во многом было связано с присоединением к России в 1550-е годы территории Среднего и Нижнего Поволжья, значительную часть населения которой составляли татары.

В связь с этим поставим исключительно важный факт из истории русского книгописания. В условиях относительно благополучного социально-экономического развития России в 1500–1550-е годы производство рукописных книг велось наиболее интенсивно: в эти годы было переписано наибольшее число известных нам датированных манускриптов XVI в. Его вторая половина (за исключением 1590-х годов) характеризуется резким спадом книгописных работ по всей стране. Это было обусловлено глубоким социально-экономическим кризисом (его пик пришелся на 1570-е годы). Лишь 1590-е годы в стране, которая в той или иной степени преодолела кризисные явления в социально-экономической сфере, отмечены новым всплеском активности писцов [Усачев (в печати)]. Таким образом, время перехода значительного числа татар на русскую службу с их последующим испомещением совпало с периодом, который в целом характеризовался падением темпов книгопроизводства.

С чем еще можно связывать отсутствие известных нам русских рукописей XVI в., заказанных представителями достаточно многочисленных татарских родов? Обратим внимание на ряд обстоятельств.

Как было установлено нами в ходе локализации нескольких сотен дошедших датированных рукописных книг, меньше всего сохранилось манускриптов, произведенных на Юго-Западе, Юге, в Среднем и Нижнем Поволжье [Усачев, 2018а, т. 1, с. 196; Усачев (в печати)]. Известно, что именно в этих регионах — прежде всего, на территории Мещеры, Казанского и некоторых других уездов — в XVI в. было испомещено большинство служилых татар¹⁸.

Впрочем, значительные их земельные владения располагались и в иных регионах, сохранность книг которых существенно выше¹⁹. Источники фиксируют владения татар на Северо-Западе, в Центре и частично на Северо-Востоке страны: на территории Новгородской земли, Ростовского, Ярославского, Московского, Коломенского, Владимирского и особенно Романовского уездов,

¹⁵ В отдельных случаях доля служилых татар в структуре русского войска могла быть существенно выше, порой поднимаясь до 80 % (см., например: [Martin, 2002, p. 374–375]).

¹⁶ Благодарю за консультацию А. В. Белякова.

¹⁷ Обзор мнений относительно численности русской армии XVI в., ядро которой составляла поместная конница, см.: [Kastanov, s. 336–341; Кром, 2002; Кром, 2009; Лобин; Пенской, 2009; Пенской, 2018, с. 69–93; Курбатов; «...И бе их столько, еже несть числа»].

¹⁸ Точными цифрами применительно к XVI в. мы не располагаем. Очевидно, что в XVII — начале XVIII в. в этих уездах (прежде всего, в Казанском, Касимовском, Свияжском и Темниковском) проживало подавляющее большинство татар, находящихся на русской службе.

¹⁹ О географии переписки сохранившихся и выявленных нами русских датированных манускриптов XVI в. см.: [Усачев, 2018а, т. 1, с. 59–199].

а также других²⁰. Подавляющее большинство известных нам рукописных книг в рассматриваемый период переписывалось именно в этих регионах. Также следует иметь в виду, что, как уже отмечалось выше, книги по заказу служилых землевладельцев переписывали и далеко за пределами их земельных владений — на местах их службы (военной, административной и дипломатической). Соответственно, происхождение, по крайней мере, части манускриптов, созданных по поручению служилых людей, с территорией их владений непосредственно связано не было.

Как видим, география земельных владений служилых татар если и являлась причиной отсутствия известных нам книг, переписанных по их поручению, то лишь одной из возможных. С чем еще можно связывать рассматриваемый казус?

Обратим внимание на назначение книг, которые переписывались по поручению служилых землевладельцев. Какая-то их часть, несомненно, создавалась для личного пользования (для И. Н. Бутурлина, М. В. и В. М. Тучковых-Морозовых, окольного И. П. Головина, М. Ф. Карачарова и др.). Однако основная часть известных нам книг предназначалась не им. Судя по вкладным записям, нередко соседствующим с выходными, значительная часть манускриптов переписывалась для вклада либо в церкви, либо в монастыри, с которыми соответствующие лица так или иначе были связаны. В большинстве случаев речь шла о церквях (реже — монастырях), располагавшихся на территории их владений. Именно на ктиторе лежала обязанность обеспечения церкви и обители всем необходимым, в том числе и книгами²¹. Церквям и монастырям предназначались книги, переписанные по поручению И. А. Белеутова-Рябчикова, князя М. И. Воротынского, И. Г. и Д. И. Годуновых, И. М. Семенова и др. С назначением значительной части манускриптов (вероятно, большинства), заказанных служилыми землевладельцами, хорошо согласуется их репертуар. Среди этих книг безусловно преобладают списки служебных миней, Евангелия-тетр, Евангелия-апракос, Псалтири, Октоиха, Пролога и некоторых других книг, которые, как правило, находились в приходских библиотеках²². Ни с чем подобным мы не встречаемся в случае с известными нам даже самыми знатными и состоятельными землевладельцами татарского происхождения²³. В чем причина?

Обратим внимание на число крещеных служилых татар. Точно оно не установлено. Однако известно, что весьма значительная часть татар, игнорируя заманчивые перспективы, которые раскрывались перед ними после принятия православия (повышение поместных окладов и жалованья, продвижение по службе, облегчение наказаний за совершенные преступления и т. д.²⁴), вплоть до второй половины XVIII в. продолжала исповедовать ислам [Габдуллин, с. 31–32, 56, 60–67; Мартин, 2010, с. 154–155; Моисеев, 2016; Селин, с. 95–107; Ходарковский, с. 272–286]. Применительно к XVI в. мы не располагаем точными цифрами, показывающими соотношение между новокрещенами и татарами-мусульманами. Учитывая усилия, которые прилагало русское правительство для крещения служилых татар, можно полагать, что последних оставалось немало. Например, среди почти сотни помещиков татарского происхождения Романовского уезда, судя по именам, в конце XVI в. лишь единицы были крещены [Антонов, 2007]. Как отмечает писцовая книга Алатырского уезда 1624–1626 г., на его территории владениями располагали: 1 мордовский

²⁰ О земельных владениях представителей татарских родов на русской службе см.: [Рождественский, с. 215–217; Гурлянд; Антонов, 2001; Антонов, 2007; Моисеев, 2004; Моисеев, 2017; Martin, 1990; Мартин, 2010; Беляков, 2011а, с. 307–329; Беляков, 2009б; Беляков, 2019, с. 45–50, 70–71; Габдуллин, с. 38–56; Селин].

²¹ О данной категории церквей см.: [Стефанович, с. 42–76].

²² О репертуаре книг приходских библиотек в России раннего Нового времени см., например: [Чечулин; Белова, Ефимова]. См. также: [Усачев, 2018а, т. 1, с. 41].

²³ Судя по имеющимся данным, татарские помещики Романовского уезда, генеалогический статус многих из которых был достаточно высок (речь шла о потомках ногайских мурз), получили от русского правительства земельные владения, которые по своему размеру превышали владения большинства русских помещиков [Демкин, с. 101–106]. Не уступали земельные владения татар по своему размеру поместьям русских служилых землевладельцев и в Коломенском уезде [Моисеев, 2017, с. 238, 241–243, 245].

²⁴ Об этом см., например: [Khodarkovsky, 1997, с. 261–263; Khodarkovsky, 2001, р. 122–123; Ходарковский, 2019, с. 283, 291–292; Хамамото, с. 286–291; Беляков, 2011а, с. 357–358; Беляков, 2015б, с. 56–58, 63–65].

князь, 11 арзамасских татарских мурз, 2 кадомских мурзы, 12 алатырских мурз, 65 мордовских мурз, 9 неслуживых мурз и лишь 5 новокрещенцов (то есть менее 5 %) ²⁵. Ситуация не сильно изменилась и два десятилетия спустя: подавляющее большинство служивых татар, фигурирующих в смотренном списке Алатырского уезда 1643 г., судя по именам, не были крещены ²⁶. В 1660-е годы новокрещенцов в Казани было лишь около трети — 337 человек; прочих служивых мурз и татар в два раза больше — 779 человек [Амерханова, с. 727]. Медленнее всего шла христианизация татар, проживавших большими группами (Мещера, Романовский уезд) [Беляков, 2015б, с. 64] (см. также: [Хамамото, с. 285–286]). Так, начало крещения мещерских татар относится лишь к 1600-м гг., но даже в первой половине этого столетия данный процесс еще не приобрел массового характера [Беляков, 2015б, с. 65] ²⁷. На некоторых других территориях, правда, процесс крещения шел существенно быстрее. Например, в 1580-е годы в отдельных регионах Новгородской земли, населенных по преимуществу татарами, помещики-мусульмане составляли 6–6,5 % от общего числа [Martin, 1990, р. 21]. К 1606 г. среди новгородских помещиков было 197 новокрещенцов и только 48 татар-мусульман [Селин, с. 101–102]. Вероятно, приведенные Д. Мартин данные о «сотнях» новокрещенцов и «тысячах» татар-мусульман на русской службе [Martin, 2001, р. 20] в целом верно отражают соотношение крестившихся и оставшихся верными исламу татар в XVI в.

Применительно к наиболее знатным татарам на русской службе — прежде всего, Чингисидам — речь могла идти о сознательной политике русского правительства на сохранение ими ислама (см., например: [Martin, 2001, р. 12]). Как отметил А. В. Беляков, «для проведения успешной восточной политики Москве требовались служивые Чингисиды, оставшиеся верными вере предков. Это же одновременно был сигнал всем мусульманам России. Им заявляли, что, несмотря на активную политику христианизации Нижнего Поволжья, запретительных мер по отношению к исповедыванию ислама не будет» [Беляков, 2011а, с. 84]. Демонстрируя веротерпимость, русское правительство, в частности, в середине XVI в. развернуло каменное строительство в Касимове, в ходе которого среди прочего была возведена мечеть. По крайней мере, иногда русские власти одаривали служивых татар по случаю не только православных, но и мусульманских праздников [Беляков, 2011а, с. 359].

Последовательные попытки массового насильственного крещения служивых татар начали осуществляться властями лишь с середины — второй половины XVII в. Окончательную точку в этом вопросе поставили указы 1713 и 1715 г., предписавшие крещение неправославных помещиков под страхом конфискации их земельных владений [Беляков, 2015б, с. 65–71]. Наряду со знаменитым указом о единонаследии 1714 г., по замыслу Петра I, они должны были консолидировать во многом гетерогенную служивую элиту не только службой государю, но и общими правами и ценностями. Создавая «регулярное государство», самодержец стремился превратить значимую его часть — благородное сословие — не только в социальное, но и в культурно-конфессиональное целое ²⁸. Это было трудно осуществимо в условиях конфессионального плюрализма, присущего ненавистному реформатору Московскому царству ²⁹. Правовую точку в процессе формирования благородного сословия поставила Екатерина II, даровав ему в 1785 г. знаменитую жалованную грамоту.

Однако в XVI–XVII в. культурное и социальное полотно России было гораздо более пестрым. В условиях еще только формирующегося центрального аппарата управления и включения в состав страны в 1550-е годы значительных анклавов, по преимуществу с неправославным населением,

²⁵ Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов / Сост. В. Д. Кочетков, М. М. Акчурин. М.; Н. Новгород, 2012. С. 135.

²⁶ Там же. С. 172–189.

²⁷ Подробнее о процессе христианизации Мещеры см.: [Беляков, 2009а].

²⁸ Некоторые европейские аналогии процесса консолидации элиты в более раннее время см.: [Европейское дворянство].

²⁹ О некоторых его особенностях см.: [Martin, 2001; Дмитриев].

прагматично настроенное русское правительство было готово мириться со значительными элементами социокультурного разнообразия. Этим и определялась гибкость конфессиональной политики Русского государства в отношении неправославных — как мусульман, так и католиков и протестантов (об этом см., например: [Каппелер, с. 216—222; Hamamoto]). С одной стороны, русские власти были заинтересованы в крещении своих подданных, а также служилых иноземцев. С другой, стремясь избежать массовых волнений в недавно присоединенных регионах (прежде всего, в Среднем и Нижнем Поволжье), а также недовольства достаточно многочисленной группы служилых людей, правительство старалось избегать массовой насильственной христианизации³⁰. На это, в частности, указывает хорошо известный в науке текст наказа первому казанскому архиепископу Гурию (Руготину) (1555 г.). Он предписывал воздержаться от насильственной христианизации жителей Казанского края, крестить только тех татар, которые «похотят креститься своею волею, а не от неволи». «Жестью» разговаривать с татарами относительно их крещения наказ Гурию не рекомендовал. Их предписывалось «приводити любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити»³¹.

Проанализировав тексты посланий митрополита Макария царю Ивану IV периода казанских походов, летописные известия и некоторые другие источники³², М. В. Моисеев заключил, что рекомендации Гурию не носили декларативного характера. Прагматично настроенное русское правительство, стремясь обеспечить политическую стабильность в регионе, в целом воздерживалось от применения силы при крещении татар [Моисеев, 2016]³³. Обобщив материал об отдельных случаях их насильственного крещения, М. В. Моисеев показал, что речь шла «не о целенаправленной миссии, а скорее об индивидуальном рвении» отдельных лиц (впрочем, порой весьма влиятельных³⁴), на свой страх и риск обращавших мусульман в православие [Моисеев, 2016, с. 49] (см. также: [Дмитриев, с. 256—273]).

На отсутствие у правительства планов массового и немедленного крещения казанских татар в середине XVI в. указывает и то, что, судя по всему, начало книгопечатания (прежде всего, деятельность так называемой анонимной и федоровской типографий) не было напрямую связано с планами массовой христианизации населения недавно присоединенных земель. Как показали итоги анализа состава библиотек Казани и Свияжска 1560-х годов, на эту территорию поступила лишь мизерная часть тиражей первых русских изданий (Евангелия-тетр, Псалтири, Триоди цветной и постной, Апостола). Основная часть экземпляров распространялась в Центре страны [Усачев, 2017]. На это же указывают и предпринимаемые русскими властями меры по сбору и хранению, по крайней мере, минимальных сведений об исламе. Так, согласно описи Царского архива XVI в., в нем хранился список Корана. Перевод его фрагментов, вероятно, был выполнен в 1572 г. служащими Посольского приказа. И то, и другое было связано со стремлением русских властей в рамках имеющегося (по сути, поликонфессионального) правового поля выстроить отношения с мусульманами — находящимися на службе русскому царю татарами и дипломатами из Крыма и Ногайской Орды [Зайцев, 2016, с. 83—88]. Их клятва на Коране рассматривалась как залог надежности достигнутых договоренностей (см., например: [Ходарковский, с. 70—71]).

³⁰ Исследовав биографии многих сотен татар на русской службе, А. В. Беляков заключил, что «по отношению к рядовым служилым татарам Москва занимала более чем терпимую позицию. Московский царь не был готов расстаться по религиозным причинам со значительной частью своей армии» [Беляков, 2015б, с. 62]. См. также: [Khodarkovsky, 1997, с. 258—260; Ходарковский, с. 56—64, 271, 282—283; Martin, 2001, р. 5—6].

³¹ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 259—260. № 241.

³² О неоднозначности изображения в них татар, образы которых далеко не всегда приобретали негативный оттенок, см., например: [Martin, 2009; Martin, 2011].

³³ О несоответствии политики властей по отношению к татарам риторике осуждающих мусульман книжников и иерархов церкви XVI в. см., например: [Martin, 2001, р. 3—5, 22—23].

³⁴ В середине XVII в. в их число входил исключительно близкий к царю Алексею Михайловичу его духовник Стефан Вонифатьев. О лавировании русского правительства в первой половине XVII в. между адептами массового крещения татар и прагматиками см.: [Беляков, Морохин].

Прагматизм определял действия русского правительства и по отношению к прочим иноверам. Нуждаясь в европейских специалистах — главным образом, в военно-технической сфере, власти в XVI в. и позднее допускали возможность сохранения не только чуждого России вероисповедания необходимыми ей профессионалами, но и их известную автономию в культурно-конфессиональной и бытовой сферах (наглядный пример — знаменитая Немецкая слобода [Ковригина]). Тем самым власти «Третьего Рима» демонстрировали гораздо более высокую степень политической гибкости и конфессиональной толерантности, нежели правители прежнего центра православного мира — Византии, не предусматривавшие проживания на ее территории неправославного населения [Шукуров, 2013; Шукуров, 2017, с. 310–317].

Массовое поселение перешедших на русскую службу татар, многие из которых (вероятно, большинство) сохраняли приверженность исламу, привело к созданию в России компактных очагов мусульманской культуры. Это касалось не только регионов, близких к территории осколков Золотой Орды (Среднее и Нижнее Поволжье, Мещера), но и весьма удаленных от нее уездов.

В XVI–XVII в. главным очагом исламской культуры продолжавших исповедовать ислам татар на русской службе был Касимов, ставший своего рода сакральным центром мусульман в России. Основная часть некрещеных татарских царевичей была похоронена именно там. Как установил А. В. Беляков, в богатом на русско-татарские столкновения XVI в. казанские, крымские и ногайские татары ни разу не предприняли попытки напасть на Касимов [Беляков, 2004, с. 156–159]. Вероятно, это могло быть связано с многочисленными контактами перешедших на русскую службу Чингисидов не только друг с другом, но и со своими родственниками за пределами России.

Крупным центром мусульманской культуры являлся и Ярославль, в округе которого поместья получили немало татар. Очевидно, что их включенность в соответствующую культуру определяла и их книжные интересы. Так, судя по всему, в среде татар, продолжавших исповедовать ислам, создавались манускрипты, только не на русском, а на восточных языках. В районах компактного расселения татар, по крайней мере, до второй половины XVII в. переписывались и хранились рукописи на восточных языках, а также на них создавались литературные памятники. Вероятно, в 60–80-е годы XVII в. в Ярославле, в окружении вдов сибирского царевича Алтаная б. Кучума, было написано продолжение исторического сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих», в котором приводятся сведения по истории династии сибирских ханов Шибанидов конца XVI — середины XVII в. [Беляков, 2018]. По сообщениям современников, последний касимовский царевич Василий Арсланович (Сеит-Бурхан б. Арслан), крестившийся в зрелом возрасте (ему было около 30 лет), знал восточную философию, а также помимо русского и татарского еще арабский, турецкий и персидский языки. Очевидно, что это было невозможно без наличия у владельцев Касимова собрания восточных рукописей, которое начало формироваться не позднее первой половины XVI в.³⁵ У сына сибирского хана Кучума царевича Азима источники фиксируют «книги бусурманские» и «часовник татарский». После смерти Азима они перешли к князю Василию Агишевичу Тюменскому, который также, по-видимому, питал интерес к рукописям на восточных языках [Беляков, 2011а, с. 132]. Известны создаваемые и бытовавшие в среде русских мусульман произведения и содержащие их манускрипты на татарском и арабском языках и более позднего времени [Усманов; Зайцев, 2009].

Случаи заказа и покупки русских книг неправославными лицами в России XVI в. известны, хотя и не слишком многочисленны. Так, для английских купцов русские писцы переписывали манускрипты. Это делалось с целью обеспечения их материалом для изучения языка страны, с которой велись выгодные торговые дела [Усачев, 2018б]. У татар такой необходимости не было.

³⁵ Подробнее о Касимове и некоторых других центрах мусульманской книжной культуры в России XVI–XVII в. см.: [Беляков, 2011а, с. 129–132, 139; Беляков, 2015а, с. 40–45; Беляков, 2019, с. 72–76].

Не приходится сомневаться в том, что они вне зависимости от своего вероисповедания, по крайней мере, в какой-то мере владели русским языком. Судя по актам, выдаваемым служилым татарам по их «челобитью», более или менее значительная их часть владела и русской грамотой³⁶.

Еще одним обстоятельством, которое следует учитывать, являлась незавершенность процесса культурной интеграции принявших крещение татар (их число в XVI в., по-видимому, было относительно невелико). Вероятно, мы имеем дело с культурно-конфессиональной инерцией. Как правило, переходившие на русскую службу татары крестились уже в достаточно зрелом возрасте, будучи длительное время связанными с мусульманской культурой. Как отметил В. В. Трепавлов, «конфессиональные и культурные несовпадения, этнопсихологические различия не позволяли развернуться активной ассимиляции татар в России. Хотя крестившиеся султаны и мурзы свободно владели русским языком, носили русскую одежду и имена, основная масса служилых татар старалась селиться компактно вокруг Касимова и Романова и в меньшей степени была подвержена культурному и бытовому влиянию окрестного русского населения» [Трепавлов, 1995, с. 133]. Медленно шла ассимиляция даже среди крещеных татар и в других регионах. Проанализировав биографии 418 служилых татар Новгородской земли XVI — начала XVII в., А. А. Селин заключил, что «постепенный переход большинства “татар” Северо-Запада России в православие не вел к немедленной интеграции их с другими новгородскими служилыми людьми» [Селин, с. 107] (см. также: [Khodarkovsky, 1997, с. 263–264; Martin, 1990; Martin, 2001, р. 20, 22–23]).

Степень глубины и специфику культурно-конфессиональной интеграции крещеных татар демонстрируют вкладные и приходо-расходные книги ряда монастырей. Они дают более или менее полную картину социального и персонального состава дарителей, фиксируя поступившее от них в обители имущество, включая и манускрипты. Итоги ознакомления с соответствующими материалами XVI в. Симонова, Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Соловецкого, серпуховского Высоцкого и некоторых других монастырей не дали нам возможности выявить ни одной рукописной или печатной книги, которую вложили бы в эти обители служилые татары. Прочие вклады в русские монастыри представителей данной социальной группы крайне редки. Они ни в какое сравнение не могут идти с многими тысячами вкладов служилых людей русского и литовского происхождения, которые в XVI в. фиксируют акты, вкладные и приходо-расходные книги монастырей, записи на книгах и предметах искусства (как правило, церковной утвари).

К числу крайне немногочисленных примеров можно отнести вклад князя Афанасия Шейдякова в Симонов монастырь в Москве (1585 г.) [Беляков (в печати)]. Единственным известным нам татаринном, с именем которого был связан целый ряд вкладов в различные русские обители, являлся знаменитый Симеон Бекбулатович. Во второй половине XVI — начале XVII в. он делал вклады деньгами, колоколами и прочей церковной утварью (его вклады книгами неизвестны) в Симонов, Чудов, ярославский Спасо-Преображенский, Соловецкий и Новоторжский Борисоглебский монастыри, а также в некоторые церкви. Общая сумма вкладов Симеона и его супруги Анастасии Ивановны (урожденной княжны Мстиславской) оценивается в 1262 рубля [Беляков, 2011а, с. 363–369; Беляков, 2011б, с. 180, 184–185]. Вероятно, исключительная щедрость Симеона может быть связана с тем, что в отличие от большинства перешедших на русскую службу татар крещение он принял в достаточно юном возрасте (ему было около 13 лет) и, по-видимому, воспитывался в православной среде [Беляков, 2011а, с. 84–85; Беляков, 2011б, с. 163–164, 166–167]. Недаром среди членов двора Симеона источники не фиксируют не принявших православие татар. Известно, что на его средства осуществлялось

³⁶ См. также упоминания о случаях частной переписки служилых татар в XVII в. (не всегда речь шла о новокрещенах) [Новохатко, с. 20, 173, 185, 200–201, 207, 268, 576–577].

строительство церквей [Беляков, 2011б, с. 175, 180–181]. Скорее всего, он же их обеспечивал и необходимой утварью (в том числе и книгами). Вероятно, уникальная для новокрещена глубина погружения Симеона в православную среду в немалой степени повлияла на его возведение, пусть и формальное, на русский престол в 1575 г.

Вклады по служилым татарам делали их русские жены. В середине XVI в. от Елены Долголядской в Иосифо-Волоколамский и Троице-Сергиев монастыри поступили вклады по ее мужу царевичу Федору Меликдаировичу. В 1605/1606 и 1611 г. княгиня Анастасия Ивановна дала вклады в Троицу за здоровье своего супруга — Симеона Бекбулатовича [Беляков, 2011а, с. 363–366]. Княгиня Елена Никитична дала вклад по своему супругу князе Афанасии Шейдякове в 1602 г. в Симонов монастырь в Москве [Беляков (в печати)].

Вклады по знатым татарам делали и русские цари. Согласно предположению А. В. Белякова, Иван IV сделал очень крупный вклад земельными владениями в столичный Архангельский собор по душе казанского царя Александра Сафакаиреевича. В этом же ряду лежат и вклады государя в Симонов на помин души царевича Петра (Худайкула), по астраханским царевичам Михаиле Кайбуловиче (Мартаза-Али б. Абдула) и его сыне Дмитрие, по душе казанского царя Симеона Касаевича в Новодевичий и Троице-Сергиев монастыри. Царь Иван IV дал вклады по татарскому царевичу Федору Меликдаировичу и его вдове в Иосифо-Волоколамский и Кирилло-Белозерский монастыри [Беляков, 2011а, с. 362–368].

Очевидно, что в случаях с женами татар и царем речь идет о лицах, родившихся и воспитанных в православной культуре. Число вкладов, которые делали непосредственно служилые татары, в рассматриваемый период невелико. Этот казус можно поставить в один ряд с отсутствием известных нам случаев заказа ими рукописных книг — в XVI в., как правило, богослужебных.

Очевидно, что процесс социальной интеграции (получение земельных владений, установление родственных связей с представителями русской знати, продвижение по службе и т. д.) существенно опережал процесс культурной интеграции в русское общество татар, основная часть которых продолжала исповедовать ислам³⁷. Вероятно, с этим можно связывать то, что в XVI в. более или менее значительная часть относительно недавно перешедших на русскую службу татар даже после принятия православия не испытывала потребности в приобретении книг (как правило, богослужебных) для церквей и монастырей и тем более для личного использования, а также в обеспечении «своих» приходов прочей утварью³⁸. Очевидно, что служилые татары в целом независимо от их вероисповедания предпочитали демонстрировать свою лояльность русским властям в первую очередь на военной и дипломатической службе и лишь во вторую — в бытовой сфере.

В свете вышесказанного перед историком Русской церкви неизбежно встает вопрос: кто в таком случае обеспечивал церкви приходов, располагавшихся на территории владений служилых татар, необходимой утварью (в том числе и книгами)? Очевидно, что речь шла о многих тысячах прихожан в различных регионах страны.

³⁷ Известны отдельные татары, которые принимали не только крещение, но и постриг в русских монастырях, а в исключительных случаях играли значимую роль в истории церкви. Так, под 1593–1594 г. упоминается инок новгородского пригородного Горнецкого монастыря новокрещен Антоний [Селин, с. 104–105]. В средневековой Руси широко почитался Петр — согласно его Житию, ордынский царевич, переехавший на Русь и принявший православие. Общеизвестно происхождение одного из самых почитаемых русских святых XV в. — внука баскака Пафнутия Боровского. Он основал обитель, из стен которой вышли ростовский архиепископ Вассиан Рыло, Иосиф Волоцкий, его брат ростовский архиепископ Вассиан (Санин), Даниил Переяславский и митрополит Макарий. Итоги просмотра источников по целому ряду обителей побуждают заключить, что в этих случаях мы имеем дело с редкими исключениями из общего правила.

³⁸ Конечно, в этом правиле могли быть и исключения. К их числу можно отнести прихожан удомельской церкви Дмитрия Солунского на озере Островня — новокрещена Григория Сюстеева с товарищами. В 1592 г. они обратились к новгородскому митрополиту Варлааму (Белковскому) с просьбой предоставить льготы их приходской церкви, которая «стоит пуста без пения больше деи полутретьятца лет» [Селин, с. 104].

На наш взгляд, были возможны различные варианты. В тех случаях, когда территории приходов охватывали владения не только татарских, но и русских помещиков, скорее всего, эта обязанность ложилась на последних. Как показал М. В. Моисеев, как правило, в таких уездах служилым татарам села во владение не давали. Это объяснялось тем, что именно в них находились церкви: правительство, наделяя татар землей, старалось не допустить ущемления центров приходов со стороны мусульман, пусть и находившихся на русской службе³⁹. Такой вариант наиболее вероятен для тех территорий, на которых не сложилось крупных компактных анклавов татарского землевладения (например, в Коломенском уезде и Новгородской земле).

В ряде случаев, вероятно, приход обеспечивал себя всем необходимым сам. Возможности у них для этого были: в районах поселения татар сохранялась «церковная земля» (то есть земельные владения приходов)⁴⁰. Также известно, что церковные общины вкладчину осуществляли приобретение необходимой приходам утвари (в том числе и книг) [Усачев, 2018а, т. 1, с. 429–440]. Писцовая книга Алатырского уезда 1624–1626 г., описывая принадлежащее некрещеному татарину Мирясу Мустофину село, отмечает: «Село Сунеево, а в нем храм древян, клецки, Михаила Архангела, а в нем строение, образ пресвятая запрестольная, образ месной архистратига Михаила, двери царские на празелени, да книг: триодь постная печатная, триодь цветная письменная, минея общая письменная, служебник, псалтырь, часовник писменные, ризы полатняной, оплечье выбойчатое, две свечи поставных в десеть гривенок, два колокола в полпуда. **Строение мирское** (выделено нами. — А. У.). Двор попа Луки Дементьева»⁴¹.

В каких-то случаях помощь в пополнении приходских библиотек могли оказывать местные архиереи. Так, вологодский архиепископ Иона (Думин) (1588–1603 г.) «государева жалованья 200 книг, печатных Триодей, постных и цветных» повелел раздать по церквям своей епархии [Буланин, с. 74].

* * *

Подводя итоги, отметим, что отсутствие известных нам случаев переписки русских рукописных книг по заказу служилых татар могло быть связано с рядом обстоятельств.

1. Число татар на русской службе в первой половине XVI в., на которую пришелся самый интенсивный период в истории книгопроизводства, было существенно ниже, нежели во второй половине этого столетия, после присоединения территории Казанского и Астраханского ханств. 1570–1580-е годы в России отмечены резким спадом переписки книг.

2. Основная часть земельных владений татар в XVI в. находилась на близкой к границе территории Юга, Среднего и Нижнего Поволжья. По историческим причинам книг, переписанных в этих регионах, сохранилось немного.

3. Значительная часть служилых татар (по-видимому, большинство) даже к началу XVII в. сохраняла верность исламу.

4. Степень вовлеченности относительно недавно принявших крещение татар в православную культуру, судя по всему, была весьма условна. Вероятно, с этим следует связывать сравнительную немногочисленность их вкладов в монастыри.

Сказанное выше не оставляет сомнений в том, что процесс складывания русской военно-служилой элиты в социокультурное целое к началу XVII в. был далек от своего завершения. Понадобилось еще почти два столетия для превращения гетерогенного в этническом, культурном и конфессиональном отношении слоя в консолидированное благородное сословие, пронизанное

³⁹ Так, в Коломенском уезде в 1577–1578 г. татары располагали примерно 30 % пашни. При этом в их владении находилось лишь 2 села из 31 имеющегося. Согласно предположению М. В. Моисеева, основанному на данных ономастики, оба владельца этих сел являлись новокрещеными [Моисеев, 2017, с. 244].

⁴⁰ См., например: Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов. С. 23.

⁴¹ Там же. С. 103.

не только вертикальными связями — службой государю, но и горизонтальными — прежде всего, общими правами и ценностями.

Литература

- Амерханова Э. И. Служилые новокрещены Казани в XVII в. // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 725–729.
- Антонов А. В. Акты служилых татар 1525–1609 годов // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 219–232.
- Антонов А. В. Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 574–601.
- Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. 279 с.
- Белова Л. Б., Ефимова Н. А. Рукописные книги церковных приходов в Архангельском собрании Библиотеки Российской академии наук // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности. Архангельск, 2013. Вып. 6. С. 147–160.
- Беляков А. В. Касимов XV–XVII вв. как сакральный центр Чингизидов в России // Верхнее Подонье: природа, археология, история. Тула, 2004. Т. 2. С. 153–161.
- Беляков А. В. Формирование этнорелигиозной картины в Мещере XV–XVII вв. // Фаизхановские чтения. Материалы Пятой ежегодной научно-практической конференции «Российские мусульмане на пути к религиозному и образовательному единству». Н. Новгород, 2009. С. 37–43. [Беляков, 2009а]
- Беляков А. В. Служилые татары Мещерского края XV–XVII вв. // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 160–195. [Беляков, 2009б]
- Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с. [Беляков, 2011а]
- Беляков А. В. Симеон Бекбулатович // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 159–191. [Беляков, 2011б]
- Беляков А. В. Абызы (хафизы) в Московском государстве XVI–XVII веков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2015. № 7. С. 40–45. [Беляков, 2015а]
- Беляков А. В. Крещение мусульман и проблема их интеграции в России XVI–XVII веков // Национальная политика России в контексте современных вызовов: идеи, практики, перспективы. Сборник трудов по итогам работы научно-исследовательских секций «Конгресса народов России – 2015». Н. Новгород, 2015. С. 56–74. [Беляков, 2015б]
- Беляков А. В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 15–20.
- Беляков А. В. О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 2. С. 370–392.
- Беляков А. В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы, 2019. 206 с.
- Беляков А. В. Князья и мирзы Шейдяковы в России XVI–XVIII вв. (в печати).
- Беляков А. В., Морохин А. В. Отношение центральной власти к насильственным крещениям на местах в первой половине XVII в. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2015. Вып. 18. С. 168–188.
- Бенцианов М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М., 2019. 350 с.
- Буланин Д. М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 71–79.
- Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России XVI в.: историко-генеалогическое исследование. М., 1986. 221 с.
- Бычкова М. Е. Русское и иностранное происхождение родоначальников боярских родов: исторические реалии и родословные легенды // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 53–58.
- Бычкова М. Е. Легенды московских бояр. М., 1997. 51 с.
- Вашири И. Роды татарского происхождения в Московской Руси XIV–XVI веков // Место России в Европе и Азии. Будапешт; М., 2010. С. 17–38.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1–4. СПб., 1863–1887.
- Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения: род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 56–91.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 583 с.
- Габдуллин И. Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. 320 с.

- Гурлянд И. Я. Романовские мурзы и их служилые татары. Тверь, 1904. 12 с.
- Демкин А. В. Феодальное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй в феодальной России. XV — начало XVIII в. М., 1986. С. 99–120.
- Дмитриев М. В. Московская Русь перед лицом «иноверия»: восточнохристианская модель религиозно-культурного плюрализма? // Средневековая Европа: Восток и Запад. М., 2015. С. 233–324.
- Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. 272 с.
- Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития (рукописи, тексты и источники). М., 2009. 301 с.
- Зайцев И. В. Из истории перевода Корана на русский язык в XVI–XVII вв.: первый перевод суры «Очищение веры» (1572) // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 2. С. 81–92.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. 350 с.
- «...И бе их столько, еже несть числа»: форум // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2 (5–6). С. 120–150.
- Илюшин Б. А. Российские служилые татары в войнах против поляков и шведов в 1613–1618 гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 4. С. 766–782.
- Кавельмахер В. В. К вопросу о времени и обстоятельствах постройки церкви Рождества Христова в Юркине // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 421–436.
- Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI–XIX вв. (Краткий обзор проблемы) // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция — Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Москва, 13–16 июня 1994 г. М., 1994. Ч. 2. С. 215–225.
- Кобрин В. Б. Материалы по генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. 238 с.
- Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998. 434 с.
- Корогодина М. В. Автограф Юрия Ивановича Токмакова: книжника или воеводы? // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 198–201.
- Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 67–82.
- Кром М. М. Еще раз о численности русского войска в XVI в. (по поводу статьи А. Н. Лобина) // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2 (5–6). С. 79–90.
- Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1. 335 с.; М., 2015. Т. 2. 435 с.
- Курбатов О. А. Отклик на статью А. Н. Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.» // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2 (5–6). С. 104–119.
- Лобин А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1–2 (5–6). С. 45–78.
- Мартин Д. Татарские помещики в Московии (60–70-е годы XVI века) // Место России в Европе и Азии. Будапешт; М., 2010. С. 150–159.
- Моисеев М. В. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатий. М., 2004. Вып. 10. С. 197–202.
- Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // Questatio Rossica. 2016. Т. 4. № 1. С. 37–54.
- Моисеев М. В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2 (6). С. 236–247.
- Назаров В. Д. Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 567–582.
- Назаров В. Д. Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 382–427.
- Новохатко О. В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018. 664 с.
- Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. 384 с.

- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 279 с.
- Пенской В. В. Некоторые соображения по поводу статьи А. Н. Лобина «К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в.» // Петербургские славянские и балканские исследования = *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2 (5–6). С. 91–103.
- Пенской В. В. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М., 2018. 351 с.
- Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). СПб., 2006. 547 с.
- Рожественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. V, 403, IV с.
- Селин А. А. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 3. С. 93–110.
- Скобелкин О. В. Западноевропейцы в русском войске XVI в. // Исторические записки. Воронеж, 2002. Вып. 8. С. 49–63.
- Солодкин Я. Г. Тайна «хроник» боярина И. Ф. Мстиславского (К истории частного летописания в России XVI в.) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 945–949.
- Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. 352 с.
- Трепавлов В. В. Тюркская знать в средневековой России // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 127–134.
- Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 320–353.
- Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018. 486 с.
- Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М., 1995. 446 с.
- Усачев А. С. Князь И. Ф. Мстиславский – забытый книжник XVI в.? // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки». 2011. № 1. С. 15–24.
- Усачев А. С. О возможных причинах начала книгопечатания в России: предварительные замечания // *Canadian-American Slavic Studies*. 2017. Vol. 51. № 2–3. P. 229–247.
- Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1–2. М.; СПб., 2018. [Усачев, 2018a]
- Усачев А. С. Несколько эпизодов из истории русско-английских культурных связей в период раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 2018. № 1. С. 221–228. [Усачев, 2018б]
- Усачев А. С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития России в XVI в. (в печати).
- Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. 220 с.
- Халиков А. Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. 191 с.
- Хамamoto М. Пополнение Государева двора России в XVI–XVII вв. (выходцы с Востока и проблемы их ассимиляции) // Государев двор в истории России XV–XVII столетий: материалы международной научно-практической конференции 30 октября – 1 ноября 2003 г., Александров. Владимир, 2006. С. 282–295.
- Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. 352 с.
- Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. 224 с.
- Чечулин Н. Д. Несколько данных о книгах по городам Московского государства в XVI веке // Библиограф. 1888. № 11. С. 350–363; № 12. С. 373–379.
- Шукуров Р. М. Россия, Византия и чужаки // Российская история. 2013. № 3. С. 30–34.
- Шукуров Р. М. Тюрки в Византийском мире (1204–1461). М., 2017. 631 с.
- Halperin Ch. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. XII, 180 p.
- Hamamoto M. Islam in Holy Russia: The Tatar Conversation to the Russian Orthodox Church. University of Tokyo Press, 2009. 283 p.
- Kastanov S. M. Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert // Jahrbucher fur Gechichte Osteuropas. Wiesbaden, 1995. Bd. 43. Hf. 3. S. 321–346.
- Khodarkovsky M. Four Degrees of Separations: Constructing Non-Christian Identities in Muscovy // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 248–266.
- Khodarkovsky M. The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia // Of religion and empire: Missions, conversion, and tolerance in Tsarist Russia. Ithaca, 2001. P. 115–143.
- Martin J. The Novokshchenny of Novgorod: Assimilation in the 16th Century // *Central Asian Survey*. 1990. Vol. 9. № 2. P. 13–38.
- Martin J. Multiethnicity in Muscovy: A Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s–1580s // *Journal of Early Modern History*. 2001. Vol. 5. № 1. P. 1–23.

- Martin J. Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War // *The Military and Society in Russia, 1450–1917*. Leiden, 2002. P. 365–387.
- Martin J. Religious Ideology and Chronicle Depictions of Muslims in 16th-Century Muscovy // *The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland*. Bloomington, 2009. P. 285–299.
- Martin J. The Mongol Elite in Muscovy, Rhetoric vs. Reality: The Portrayal of Tsar Shah Ali in The Book of Degrees of the Royal Genealogy // *The Book of Royal Degrees and Russian Historical Consciousness*. Bloomington, 2011. P. 217–229.
- Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589. Cambridge, 2000. XVI, 329 p.

References

- Amerhanova, E. I. Sluzhilye novokreshcheny Kazani v XVII v. [Novokreshchens on Service in Kazan in the 17th Cent.]. In *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya): sbornik statej pamyati akademika L. V. Cherepnina*. M., 2010. P. 725–729.
- Antonov, A. V. Akty sluzhilyh tatar 1525–1609 godov [Acts of Tatars on Service of 1525–1609]. In *Russkij diplomatarij*. M., 2001. Vyp. 7. P. 219–232.
- Antonov, A. V. Zemlevladel'cy Romanovskogo uezda po materialam piscovoj knigi 1593–1594 godov [Romanovsky's Landowners District on Materials of the Land Cadaster of 1593–1594]. In *Arhiv russkoj istorii*. M., 2007. Vyp. 8. P. 574–601.
- Baskakov, N. A. Russkie familii tyurkskogo proiskhozhdeniya [Russian Surnames of Turkic Origin]. M., 1979. 279 p.
- Belova, L. B., Efimova, N. A. Rukopisnye knigi cerkovnyh prihodov v Arhangel'skom sobranii Biblioteki Rossijskoj akademii nauk [Manuscripts of Church Parishes in the Arkhangelsk Collection of the Library of the Russian Academy of Sciences]. In *Knizhnye sobraniya Russkogo Severa: problemy izucheniya, obespecheniya sohrannosti i dostupnosti*. Arhangel'sk, 2013. Vyp. 6. P. 147–160.
- Belyakov, A. V. Kasimov XV–XVII vv. kak sakral'nyj centr Chingizidov v Rossii [Kasimov of the 15th – 17th Cent. as a Sacred Center of the Chingisids in Russia]. In *Verhnee Podon'e: priroda, arheologiya, istoriya*. Tula, 2004. T. 2. P. 153–161.
- Belyakov, A. V. Formirovanie ehtnoreligioznoj kartiny v Meshchere XV–XVII vv. [The Formation of the Ethnic and Religious Picture in Meshchera in the 15th – 17th Cent.]. In *Faizkhanovskie chteniya. Materialy Pyatoy ezhegodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Rossijskie musul'mane na puti k religioznomu i obrazovatel'nomu edinstvu"*. N. Novgorod, 2009. P. 37–43.
- Belyakov, A. V. Sluzhilye tatory Meshcherskogo kraja XV–XVII vv. [Serving Tatars of the Meshchersky Region of the 15th – 17th Cent.]. In *Edinorog. Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy ehpoi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni*. M., 2009. Vyp. 1. P. 160–195.
- Belyakov, A. V. Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie [Chingisides in the 16th – 17th Centuries Russia. A Prosopographical Study]. Ryazan', 2011. 512 p.
- Belyakov, A. V. Simeon Bekbulatovich [Simeon Bekbulatovich]. In *Edinorog. Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy ehpoi Srednih vekov i Rannego Novogo vremeni*. M., 2011. Vyp. 2. P. 159–191.
- Belyakov, A. V. Abyzy (hafizy) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vekov [Abyz (Hafiz) in the Moscow State of the 16th – 17th Centuries]. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2015. № 7. P. 40–45.
- Belyakov, A. V. Kreshchenie musul'man i problema ih integracii v Rossii XVI–XVII vekov [The Baptism of Muslims and the Problem of Their Integration in Russia of the 16th – 17th Centuries]. In *Nacional'naya politika Rossii v kontekste sovremennyh vyzovov: idei, praktiki, perspektivy. Sbornik trudov po itogam raboty nauchno-issledovatel'skih sekcij "Kongressa narodov Rossii – 2015"*. N. Novgorod, 2015. P. 56–74.
- Belyakov, A. V. Kanbarovy (Kambarovy) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. [Kanbarovs (Kambarovs) in the Moscow State of the 16th – 17th Centuries]. In *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2017. № 9. P. 15–20.
- Belyakov, A. V. O vremeni i meste napisaniya prodolzheniya sochineniya Utemish-hadzhi "Kara tavarikh" (kommentarii k tekstu) [On the Time and Place of writing continue of Utemish-Khadzhi Work "Kara Tavarikh" (Comments to the text)]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2018. T. 6. № 2. P. 370–392.
- Belyakov, A. V. Uraz-Muhammed ibn Ondan i Isinej Karamyshev syn Musaitov. Opyt sovmestnoj biografii [Uraz-Muhammed Ibn Ondan and Isina Karamyshev the Son of Musait. The Experience of Joint Biography]. Almaty, 2019. 206 p.
- Belyakov, A. V. Knyaz'ya i mirzy Shejdyakovy v Rossii XVI–XVIII vv. (v pechati) [Princes and Nobleman Shejdyakovs in Russia of the 16th – 18th Cent.]. (in print).
- Belyakov, A. V., Morohin A. V. Otnoshenie central'noj vlasti k nasil'stvennym kreshcheniyam na mestah v pervoj polovine XVII v. [The Attitude of the Central Government to Forced Baptisms in the Provinces in the First Half of the 17th Century]. In *Ocherki feodal'noj Rossii*. M.; SPb., 2015. Vyp. 18. P. 168–188.
- Bencianov, M. M. "Knyaz'ya, boyare i deti boyarskie". Sistema sluzhebnyh otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. ["Knyaz'ya, boyare i deti boyarskie". The System of Official Relations in the Moscow State in the 15th – 16th Cent.]. M., 2019. 350 p.

- Bulanin, D. M.* Vladimirskij Rozhdestvenskij monastyr' kak kul'turnyj centr Drevnej Rusi [Vladimir Rozhdestvensky Monastery as a Cultural Center of Old Rus']. In *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury*. L., 1981. T. 36. P. 71–79.
- Bychkova, M. E.* Sostav klassa feodalov Rossii XVI v.: istoriko-genealogicheskoe issledovanie [The Structure of the Class of Feudal Lords of Russia of the 16th Cent.: Historical and Genealogical Research]. M., 1986. 221 p.
- Bychkova, M. E.* Russkoe i inostrannoe proiskhozhdenie rodonachal'nikov boyarskih rodov: istoricheskie realii i rodoslovnnye legendy [Russian and Foreign Origin of the Founders of the Boyar Clans: Historical Realities and Genealogical Legends]. In *Elita i ehtnos srednevekov'ya*. M., 1995. P. 53–58.
- Bychkova, M. E.* Legendy moskovskih boyar [The Legends of Moscow Boyars]. M., 1997. 51 p.
- Chernov, A. V.* Vooruzhennnye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv. [The Armed Forces of the Russian State in the 15th – 17th Centuries.]. M., 1954. 224 p.
- Chechulin, N. D.* Neskol'ko dannyh o knigah po gorodam Moskovskogo gosudarstva v XVI veke [Some Data on Books on Cities of the Moscow State in the 16th Century]. In *Bibliograf*. 1888. № 11. P. 350–363; № 12. P. 373–379.
- Demkin, A. V.* Feodal'noe zemlevladienie Romanovskogo uezda v konce XVI v. [Feudal Land Tenure of the Romanovsky District at the End of the 16th Cent.]. In *Agrarnyj stroj v feodal'noj Rossii. XV – nachalo XVIII v.* M., 1986. P. 99–120.
- Dmitriev, M. V.* Moskovskaya Rus' pered licom "inoveriya": vostochnohristianskaya model' religiozno-kul'turnogo pluryalizma? [Moscow Rus' before the Face of "Heterodoxy": the Eastern Christian Model of Religious-Cultural Pluralism?]. In *Srednevekovaya Evropa: Vostok i Zapad*. M., 2015. P. 233–324.
- Evropejskoye dvoryanstvo XVI–XVII vv.: granicy sosloviya* [European Nobility of the 16th – 17th Cent.: the Boundaries of the Estate]. M., 1997. 272 p.
- Gabdullin, I. R.* Ot sluzhilyh tatar k tatarskomu dvoryanstvu [From the Tatars on Service to the Tatar Nobility]. M., 2006. 320 p.
- Gurlyand, I. Y.* Romanovskie murzy i ih sluzhilye tatory [Murzs of Romanov and Their Tatars on Service]. Tver', 1904. 12 p.
- Halikov, A. H.* 500 russkih familij bulgaro-tatarskogo proiskhozhdeniya [500 Russian Surnames of Bulgarian-Tatar Origin]. Kazan', 1992. 191 p.
- Halperin, Ch.* Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington, 1985. XII, 180 p.
- Hamamoto, M.* Popolnenie Gosudareva dvora Rossii v XVI–XVII vv. (vyhodcy s Vostoka i problemy ih assimilyacii) [Replenishment of the Sovereign's Court of Russia in the 16th – 17th Cent. (Immigrants from the East and the Problems of Their Assimilation)]. In *Gosudarev dvor v istorii Rossii XV–XVII stoletij: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 30 oktyabrya – 1 noyabrya 2003 g., Aleksandrov, Vladimir*, 2006. P. 282–295.
- Hamamoto, M.* Islam in Holy Russia: The Tatar Conversation to the Russian Orthodox Church. University of Tokyo Press, 2009. 283 p.
- "...I be ih stol'ko, ezhe nest' chisla": forum ["...I be ih stol'ko, ezhe nest' chisla": Forum]. In *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2 (5–6). P. 120–150.
- Ilyushin, B. A.* Rossijskie sluzhilye tatory v vojnah protiv polyakov i shvedov v 1613–1618 gg. [Russian Tatars in Military Actions against the Poles and Swedes in 1613–1618]. In *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2018. T. 6. № 4. P. 766–782.
- Kavel'maher, V. V.* K voprosu o vremeni i obstoyatel'stvah postrojki cerkvi Rozhdestva Hristova v Yurkine [On the Question of Time and Circumstances of Building the Church of the Nativity in Yurkin]. In *Pamyatniki kul'tury. Nove otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologiya. Ezhegodnik*. 1995. M., 1996. P. 421–436.
- Kappeler, A.* Vkluyuchenie nerusskih ehelit v rossijskoe dvoryanstvo. XVI–XIX vv. (Kratkij obzor problemy) [Inclusion of non-Russian Elites in the Russian nobility. The 16th – 19th Cent. (A Brief Overview of the Problem)]. In *Sosloviya i gosudarstvennaya vlast' v Rossii. XV – seredina XIX vv. Mezhdunarodnaya konferenciya – Chteniya pamyati akademika L. V. Cherepnina. Tezisy dokladov. Moskva, 13–16 iyunya 1994 g. M., 1994. Ch. 2. P. 215–225.*
- Kastanov, S. M.* Zu einigen Besonderheiten der Bevölkerungssituation Russlands im 16. Jahrhundert. In *Jahrbucher fur Gechichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1995. Bd. 43. Hf. 3. P. 321–346.
- Khodarkovsky, M.* Four Degrees of Separations: Constructing non-Christian Identities in Muscovy. In *Moskovskaya Rus' (1359–1584): kul'tura i istoricheskoe samosoznanie*. M., 1997. P. 248–266.
- Khodarkovsky, M.* The Conversion of non-Christians in Early Modern Russia. In *Of religion and empire: Missions, conversion, and tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca, 2001. P. 115–143.
- Khodarkovsky, M.* Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Russia's Steppe Frontier: the Making of a Colonial Empire, 1500–1800]. M., 2019. 352 p.

- Kobrin, V. B. Materialy po genealogii knyazhesko-boyarskoj aristokratii XV–XVI vv. [Materials on Genealogy of Princes-Boyar Aristocracy of the 15th – 16th Cent.]. M., 1995. 238 p.
- Korogodina, M. V. Avtograf Yuriya Ivanovicha Tokmakova: knizhnika ili voevody? [Autograph by Yuri Ivanovich Tokmakov: Bookman or Commander?]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 13–15 aprelya 2017 g.* M., 2017. P. 198–201.
- Kovrigina, V. A. Nemeckaya sloboda Moskvy i ee zhiteli v konce XVII – pervoj chetverti XVIII vv. [The German Settlement of Moscow and Its Inhabitants at the End of 17th – the First Quarter of the 18th Cent.]. M., 1998. 434 p.
- Krom, M. M. O chislennosti russkogo vojska v pervoj polovine XVI v. [On the Number of Russian Troops in the First Half of the 16th Cent.]. In *Rossijskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.: sbornik statej, posvyashchennyh 75-letiyu so dnya rozhdeniya Y. G. Alekseeva.* SPb., 2002. P. 67–82.
- Krom, M. M. Eshche raz o chislennosti russkogo vojska v XVI v. (po povodu stat'i A. N. Lobina) [Once Again on the Number of Russian Troops in the 16th Cent. (about the Article by A. N. Lobin)]. In *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2009. № 1–2 (5–6). P. 79–90.
- Kurbatov, O. A. Otklik na stat'yu A. N. Lobina "K voprosu o chislennosti vooruzhennyh sil Rossijskogo gosudarstva v XVI v." [Response to the Article by A. N. Lobin "On the Issue of the Number of Armed Forces of the Russian State in the 16th Cent."]. In *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2009. № 1–2 (5–6). P. 104–119.
- Kuz'min, A. V. Na puti v Moskvu. Oчерki genealogii voenno-sluzhiloj znati Severo-Vostochnoj Rusi v XIII – seredine XV v. [On the Way to Moscow. Essays on the Genealogy of the Military Service of the Nobility of North-Eastern Russia in the 13th – the Middle of the 15th Cent.]. M., 2014. T. 1. 335 p.
- Kuz'min, A. V. Na puti v Moskvu. Oчерki genealogii voenno-sluzhiloj znati Severo-Vostochnoj Rusi v XIII – seredine XV v. [On the Way to Moscow. Essays on the Genealogy of the Military Service of the Nobility of North-Eastern Russia in the 13th – the Middle of the 15th Cent.]. M., 2015. T. 2. 435 p.
- Lobin, A. N. K voprosu o chislennosti vooruzhennyh sil Rossijskogo gosudarstva v XVI v. [On the Issue of the Number of Armed Forces of the Russian State in the 16th Cent.]. In *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2009. № 1–2 (5–6). P. 45–78.
- Martin, J. The Novokshcheny of Novgorod: Assimilation in the 16th Century. In *Central Asian Survey.* 1990. Vol. 9. № 2. P. 13–38.
- Martin, J. Multiethnicity in Muscovy: A Consideration of Christian and Muslim Tatars in the 1550s–1580s. In *Journal of Early Modern History.* 2001. Vol. 5. № 1. P. 1–23.
- Martin, J. Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War. In *The Military and Society in Russia, 1450–1917.* Leiden, 2002. P. 365–387.
- Martin, J. Religious Ideology and Chronicle Depictions of Muslims in 16th-Century Muscovy. In *The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland.* Bloomington, 2009. P. 285–299.
- Martin, D. Tatarskie pomeschiki v Moskovii (60–70-e gody XVI veka). [Tatar Landowners in Muscovy (the 60–70s of the 16th Century)]. In *Mesto Rossii v Evrope i Azii.* Budapesht; M., 2010. P. 150–159.
- Martin, J. The Mongol Elite in Muscovy, Rhetoric vs. Reality: The Portrayal of Tsar Shah Ali in The Book of Degrees of the Royal Genealogy. In *The Book of Royal Degrees and Russian Historical Consciousness.* Bloomington, 2011. P. 217–229.
- Moiseev, M. V. K istorii zemlevladieniya roda Yusupovyh v nachale XVII veka [On the History of Land Ownership of the Yusupov Family in the Early 17th Century]. In *Russkij diplomatarij.* M., 2004. Vyp. 10. P. 197–202.
- Moiseev, M. V. Musul'manskaya politika Russkogo gosudarstva v ehphohu Ivana Groznogo: diskussionnye aspekty [The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects]. In *Questatio Rossica.* 2016. T. 4. № 1. P. 37–54.
- Moiseev, M. V. Zemlevladienie sluzhilyh tatar v Kolomenskom uezde v konce XVI v. (predvaritel'nye zamechaniya) [Ownership of the Land of the Tatars on Service of the Kolomna District in the Late 16th Cent. (Preliminary Remarks)]. In *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo.* 2017. № 2 (6). P. 236–247.
- Nazarov, V. D. Netitulovannaya znat' po pohodnomu spisku dvora Ivana III v 1495 g. [Non-Title Nobility on the Marching List of the Court of Ivan III in 1495]. In *Rossijskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.: sbornik statej, posvyashchennyh 75-letiyu so dnya rozhdeniya Y. G. Alekseeva.* SPb., 2002. P. 567–582.
- Nazarov, V. D. Ryurikovichi Severo-Vostochnoj Rusi v XV v. (o tipologii i dinamike knyazheskih statusov) [Rurikids of North-Eastern Russia in the 15th Cent. (on the typology and dynamics of princely statuses)]. In *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya): sbornik statej pamyati akademika L. V. Cherepnina.* M., 2010. P. 382–427.
- Novohatko, O. V. Rossiya. Chastnaya perepiska XVII veka [Russia. Private Correspondence of the 17th Century]. M., 2018. 664 p.
- Oparina, T. A. Inozemcy v Rossii XVI–XVII vv. Oчерki istoricheskoi biografii i genealogii [Foreigners in Russia of the 16th – 17th Cent. Essays of Historical Biography and Genealogy]. M., 2007. 384 p.
- Ostrowski, D. Muscovy and the Mongols. Cross-cultural influences on the steppe frontier, 1304–1589. Cambridge, 2000. XVI, 329 p.

- Pavlov, A. P.* Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.) [Sovereign's Court and Political Struggle at the Age of Boris Godunov (1584–1605)]. SPb., 1992. 279 p.
- Penskoj, V. V.* Nekotorye soobrazheniya po povodu stat'i A. N. Lobina "K voprosu o chislennosti vooruzhennyh sil Rossijskogo gosudarstva v XVI v." [Some Thoughts on the Article by A. N. Lobin "On the Issue of the Number of Armed Forces of the Russian State in the 16th Cent."]. In *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2 (5–6). P. 91–103.
- Penskoj, V. V.* Voennoe delo Moskovskogo gosudarstva. Ot Vasiliya Temnogo do Mihaila Romanova. Vtoraya polovina XV – nachalo XVII v. [Military Affairs of the Moscow State. From Vasilii II to Michael Romanov. The Second Half of the 15th – Early 17th Cent.]. M., 2018. 351 p.
- Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII vv. (Ocherki istorii) [The Ruling Elite of the Russian State in the 9th – the beginning of the 18th Cent. (Essays of the History)]. SPb., 2006. 547 p.
- Rozhdestvenskij, S. V. Sluzhiloe zemlevladienie v Moskovskom gosudarstve XVI veka [Service Class Landownership in the Moscow State in the 16th Century]. SPb., 1897. V, 403, IV p.
- Selin, A. A.* Tatory-musul'mane i novokreshcheny v Novgorodskoj zemle: formirovanie i funkcionirovanie maloj social'noj gruppy (konec XVI – nachalo XVII v.) [Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Cent.]. In *Quaestio Rossica*. 2016. T. 4. № 3. P. 93–110.
- Shukurov, R. M.* Rossiya, Vizantiya i chuzhaki [Russia, Byzantium, and the Outsiders]. In *Rossijskaya istoriya*. 2013. № 3. P. 30–34.
- Shukurov, R. M.* Tyurki v Vizantijskom mire (1204–1461) [Turks in the Byzantine World (1204–1461)]. M., 2017. 631 p.
- Skobelkin, O. V.* Zapadnoevropejcy v russkom vojske XVI v. [Western Europeans in the Russian Army of the 16th Cent.]. In *Istoricheskie zapiski*. Voronezh, 2002. Vyp. 8. P. 49–63.
- Solodkin, Y. G.* Tajna "hronik" boyarina I. F. Mstislavskogo (K istorii chastnogo letopisaniya v Rossii XVI v.) [The Mystery of the "Chronicles" of Boyar I. F. Mstislavsky (To the History of Private Chronicles in Russia of the 16th Cent.)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury*. SPb., 2006. T. 57. P. 945–949.
- Stefanovich, P. S.* Prihod i prihodskoe duhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekah [Parish and Parish Clergy in Russia in the 16th – 17th Centuries]. M., 2002. 352 p.
- Trepavlov, V. V.* Tyurkskaya znat' v srednevekovoj Rossii [Turkic Nobility in Medieval Russia]. In *Elita i ehtnos srednevekov'ya*. M., 1995. P. 127–134.
- Trepavlov, V. V.* Rossijskie knyazheskie rody nogajskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannaya istoriya) [Russian Princely Clans of Nogai Origin (Genealogical Origins and Early History)]. In *Tyurkologicheskij sbornik: 2002: Rossiya i tyurkskij mir*. M., 2003. P. 320–353.
- Trepavlov, V. V., Belyakov, A. V.* Sibirskie carevichi v istorii Rossii [Siberian Princes in the History of Russia]. SPb., 2018. 486 p.
- Unbegaun, B.-O.* Russkie familii [Russian Surnames]. M., 1995. 446 p.
- Usachev, A. S.* Knyaz' I. F. Mstislavskij – zabytyj knizhnik XVI v.? [Prince I. F. Mstislavsky – the Forgotten Bookman of the 16th Cent.?]. In *Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*. 2011. № 1. P. 15–24.
- Usachev, A. S.* O vozmozhnyh prichinah nachala knigopechataniya v Rossii: predvaritel'nye zamechaniya [Possible Reasons for the Beginning of Book Printing in Russia: Some Preliminary Notes]. In *Canadian-American Slavic Studies*. 2017. Vol. 51. № 2–3. P. 229–247.
- Usachev, A. S.* Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannyh vyhodnyh zapisej [The Writing of books in Russia in the 16th Century: on Materials of Dated Colophons]. M.; SPb., 2018. T. 1. 472 p.; T. 2. 528 p.
- Usachev, A. S.* Neskol'ko ehvizodov iz istorii russko-anglijskih kul'turnyh svyazej v period rannego Novogo vremeni [Some Episodes from History of Russian-English Cultural Relations in the Period of Early Modern Times]. In *Novaya i novejschaya istoriya*. 2018. № 1. P. 221–228.
- Usachev, A. S.* Knigopisanie i problemy social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii v XVI v. (v pečati) [Production of Manuscripts and Problems of Social and Economic Development of Russia in the 16th Cent.]. (in print).
- Usmanov, M. A.* Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv. [Tatar Historical Sources of the 17th – 18th Cent.]. Kazan', 1972. 220 p.
- Vashari, I.* Rody tatarskogo proiskhozhdeniya v Moskovskoj Rusi XIV–XVI vekov [Families of Tatar Origin in Moscow Russia of the 14th – 16th Centuries]. In *Mesto Rossii v Evrope i Azii*. Budapesht; M., 2010. P. 17–38.
- Vel'yaminov-Zernov, V. V.* Issledovanie o kasimovskih caryah i carevichah [A Study on the Kings and Princes of Kasim]. Ch. 1–4. SPb., 1863–1887.
- Veselovskij, S. B.* Iz istorii drevnerusskogo zemlevladieniya: rod Dmitriya Aleksandrovicha Zernova (Saburovy, Godunovy i Vel'yaminovy-Zernovy) [About the History of Old Russian Land Tenure: the Family of Dmitrii Alexandrovich Zernov (Saburovs, Godunovs and Vel'yaminovs-Zernovs)]. In *Istoricheskie zapiski*. M., 1946. T. 18. P. 56–91.

Veselovskij, S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemlevadel'cev [Research on the History of the Class of Serving Landowners]. M., 1969. 583 p.

Zajcev, I. V. Krymskaya istoriograficheskaya tradiciya XV–XIX vekov. Puti razvitiya (rukopisi, teksty i istochniki) [The Crimean Historiographical Tradition of the 15th – 19th Centuries. Ways of Development (Manuscripts, Texts and Sources)]. M., 2009. 301 p.

Zajcev, I. V. Iz istorii perevoda Korana na russkij yazyk v XVI–XVII vv.: pervyj perevod sury “Ochishchenie very” (1572) [From the History of Translating the Quran into Russian Language in the 16th – 17th Cent.: the First Translation of Surah “The Cleansing of the Faith” (1572)]. In *Islam v sovremennom mire*. 2016. T. 12. № 2. P. 81–92.

Zimin, A. A. Formirovanie boyarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV – pervoj treti XVI v. [Formation of Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – the First Third of the 16th Cent.]. M., 1988. 350 p.

Andrej S. Usachev

*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

THE STRUCTURE OF CUSTOMERS OF MANUSCRIPTS OF THE 16TH CENTURY AND THE PROBLEMS OF THE RUSSIAN MILITARY ELITE'S FORMING

The article deals with the social groups of the Russian manuscripts' customers in the 16th century. It was established that service tatars were not among the customers of manuscripts. It is connected with the dynamics of manuscript's production in Russia, the number of tatars in different periods, the geography of their estates as well as peculiarities of their social, cultural and confessional integration into the Russian society. The research is based on the manuscripts' colophons dated 1500–1600, other manuscripts' notes, records of income, including donations, and expenses, act, land cadastres and other historical sources.

Keywords: 16th century, manuscripts, Russian Church, Tatar servicemen, conversion to Christianity, Islam, Orthodox Christianity, tolerance, Christian-Muslim interaction, cultural policy